

СОДЕРЖАНИЕ

Золотая цепочка
Солдатские дети
Синичка

Золотая цепочка

Знойным летним полднем на старой деревянной колокольне села Дубовки дежурили два неразлучных друга – Ванюшка Долбин и Илька Кузин. Колоколов здесь не было, и оба мальчика не помнят, когда их сняли. Если придется звонить – надо бить железным болтом по куску рельса, который подвешен к перекладине.

Отсюда, с высоты, видно далеко. С одной стороны к селу подходит густой, зеленолистый лес; за околицей желтеют полотнища жнивья; тихо течет узенькая речка, в которой водятся окуни, а раз Ванюшка поймал там на жерлицу даже щуку.

Хорошо в глухом углу жить, – сказал Долбин, поглядывая на пустынные проселки.

– Без большака оно все-таки спокойнее. Из-за другого это, – поправил Илька. – Их боятся, – и кивнул в сторону леса.

Они снова уселись в тени простенка. Солдаты из чужой, иноземной армии грабителей и убийц давно не показывались в этих местах, и в Дубовке их не ждали. Дежурство, правда, ребята несли исправно, как полагается: время от времени из-под ладоней осматривали всю округу. И на дорогах не было ни души. Только пробежала чья-то бездомная собака и скрылась в бурьяне...

Гитлеровцы появились в Дубовке почти два года назад и сразу же завели свои порядки. На заборах то и дело появлялись приказы – один грознее другого, – и каждый заканчивался одинаковой угрозой: расстрел. Почти все жители были ограблены – у кого взяли хлеб и корову, у кого одежду и овец, пристрелили гусей; школу, где учились Илька и Ванюшка, сожгли; спалили дом бригадира, а хозяйку бросили в огонь.

Раз шесть приезжали зеленые немецкие грузовики с солдатами и офицерами. На этих машинах увезли из села многих людей. Домой из них никто не возвращался, лишь доходили слухи, что расстреляны за непокорность врагу. Машины приходили только днем, и солдаты все время держали автоматы наготове. Свиреп и жесток был чужеземец, но ни угрозами, ни даже смертью он не мог сломить советских людей, и дух свободы не покидал их сердца. Наоборот! Дубовка стала мстить захватчикам.

Еще когда вдаль слышались тяжелые артиллерийские раскаты и кровавые отблески пожаров говорили о приближении врагов, каждая семья в Дубовке – кого могла – провожала в партизаны. Теперь их отряд был где-то в лесах, нередко налетал на обозы, маленькие гарнизоны, сжигал мосты на дорогах и рвал железнодорожное полотно. Однажды партизаны отбили обоз с хлебом, награбленным в Дубовке; потом фашисты нашли убитыми своих «уполномоченных», собиравших молодежь для отправки в Германию, а дубовского коменданта неизвестно кто утащил ночью прямо из постели. Едва после этого снова примчались зеленые грузовики, и солдаты еще не успели вылезти из них, с разных сторон заатакали пулеметы, затрещали выстрелы, над головной машиной разорвалась граната... В панике и суматохе удрать удалось немногим. Немцы перестали заглядывать и в Дубовку, и село вновь стало жить как прежде: колхозом. Гитлеровцы назначили старосту, но это был свой, советский человек, и он учил лишь получше припрятывать оставшееся добро, ему из леса присылали сводки Совинформбюро и он рассказывал, как движутся на запад советские полки. Староста, чтоб неожиданно не нагрянули фашисты, на ночь выделял патрули, а днем установил дежурство на колокольне.

– Живем как на острове – говорили дубовцы.

– Может, так и до своих продержимся.

Об этом же сейчас думали и двое дежурных на колокольне.

– Слышал? – спросил Илька.

– Возле Михайловки наши под откос еще один поезд пустили. Шестьдесят вагонов – в щепки!

– Он произнес это таким тоном, будто сам был там.

– Дай-то бог, – ответил Ванюшка, как часто говорил его дед. – А про вчерашние дела знаешь?

– А что? – повернулся к нему Илька.

– На станции ни одного склада не осталось.

– Кто сказал?

– Дядя Семен ночью приходил. Наши самолеты, рассказывает, прилетали, все вдрызг разнесли.

– Теперь фрицы еще злее будут. Неужто наши не скоро придут? Боюсь, Ваня, не доживу я.

Безотрадно было Ильке... Отца его расстреляли фашисты, мать тяжело избили, и она недавно умерла. Сам он здоровьем слаб, а теперь стал еще печальней и задумчивей. Ванюшка относился к нему участливо: делился куском хлеба, испеченной на костре картошкой, рыболовным крючком и скрученной на окуней леской.

– Ну вот еще, – сказал Долбин.

– Перестань хандрить. Наши придут, тогда и здоровье поправишь, и учиться опять будем.

Илька пододвинулся ближе к другу.

– Знаешь, Ванюшка, – сказал он тихо и торжественно.

– Не поверишь, может, а я тебе правду скажу, истинную правду... Почти каждую ночь я во сне солдат наших вижу. Будто прогнали они фашистов с нашей земли начисто... А один раз тот офицер раненый приснился. Помнишь, когда наши отходили, однажды человек двадцать у нас ночевали, а командир сильно хромал... Утром, перед тем как уйти, он еще нам с тобой сказал: «Ничего, ребятки, не тужите, мы вернемся!» И на память мне звездочку оставил... И вот, теперь как будто он приехал к нам. Разговаривали мы о чем-то... Почему бы это, а?

– А потому, что мы каждый день и каждый час думаем о них, всем сердцем ждем, – ответил Ванюшка.

Друзья умолкли. Снова стали тихо.

И в этой тишине они уловили неясный, но знакомый гул. Летели самолеты.

– Наши! – Илька кинулся к проему.

Но нет, в голубом небе летели два «фоккевульфа» с черной свастикой на крыльях. Разведчики, местность высматривают.

– Партизан, наверно, ищут.

Пронзительно-истощенный звук падающих бомб не дал Ильке договорить. Колокольня, казалось, вздрогнула, закачавшись от взрыва.

– Сигналить! – Кузин ударил в рельсу.

– Какой толк? Все знают...

Самолеты снова сделали заход, поливая деревню свинцом. Люди поспешно прятались в погреба, канавы, блиндажи.

– Бежим! – крикнул Илька.

– С поста? – резко оборвал Долбин по праву старшего.

Илька снова метнулся к проему.

– Ой! — вскрикнул он, побелев.

Ванюшка увидел тоже: по дороге мчались всадники...

– Дзинь! Дзинь! Дзинь!

Но никто не слышал сигнала: летчики начали пикировать.

Всадники скакали галопом, подняв облако пыли, и неизвестно, сколько было их. Они примчались к околице.

Ванюшка швырнул болт, и ребята торопливо бросились по узкой и шаткой лестнице.

– Мама! Мамка! Где вы? Немцы. Фашисты пришли! Бежать надо! Бежа-ать, мамма!.. Не найдя никого во дворе, Ванюшка забежал в дом. Было пусто. Он выскочил в огород. Тесно прижавшись друг к другу, мать, две сестренки и маленький братишка сидели в щели, вырытой за сараем.

– Вылезайте быстрее. Уходить от них надо! – как и подобает старшему в семье, мужчине, повелительно распорядился он.

Мать посмотрела на него расширенными от страха глазами.

– Бомбят ведь...

– Скорей!

Дрожащими руками он стал вытаскивать сестренку, но в это время услышал за спиной немецкую речь. Ванюшка обернулся и увидел двух солдат, бегущих прямо на него. На груди у них болтались черные автоматы.

– Попались! – с ужасом подумал Ванюшка. – Теперь все, теперь не спасешься... Действительно, уже не было никакой возможности ни бежать, ни спрятаться. Окружив деревню, немецкие солдаты не выпускали никого. Они обшарили дома, огороды, мякинники, амбары, погреба, подвалы, чердаки, выловили всех спрятавшихся и согнали на площадь перед старой церковью. Собралось около двухсот человек. Тут были и старики, опирающиеся на палки, и женщины с грудными детьми, и подростки. В толпе не было ни одного мужчины, способного носить оружие: все они партизанили.

Чувствуя недоброе, люди, пугливо озираясь, жались друг к другу. А вокруг них плотной стеной стояли гитлеровские солдаты в страшных рогатых касках.

– Что же теперь будет? Что они хотят с нами делать? – думал каждый. Но никто ничего не знал...

Народ молчал. Если начинал плакать ребенок, ему зажимали рот. Чтобы заглушить кашель, старики закрывали рот ладонью, рукавом.

Молчали и гитлеровцы. С тупым спокойствием они смотрели на свои беззащитные жертвы.

– Ничего, мамочка, ничего, – приглушенно шептал Ванюшка, – подержат и отпустят... Ты не волнуйся, – успокаивал он, а про себя думал: «Неужели расстреляют? Нет, не может быть, не может... За что?».

В конце улицы показался запыленный длинный автомобиль. Он въехал на площадь и резко остановился перед толпой. Кроме шофера, в машине было еще двое: один – низкого роста, толстый, в пилотке; другой – поджарый и длинный, как жердь. На нем была высокая фуражка с кокардой.

– Начальство, – сообразил Ванюшка.

Долговязый был командиром нагрянувшего карательного отряда. Едва он вышел из автомобиля, как к нему подвели оседланного серого жеребца. Офицер взялся за луку, поставил ногу в стремя и неуклюже вскочил в седло. Презрительно взглянув на толпу, он некоторое время сидел точно каменный. Грудь его была увешана орденами и медалями, среди которых черной вороненой сталью поблескивал «железный крест».

– Да-а... Это, видно, здоровый шакал, – подумал Ванюшка. Он слышал, что такими крестами Гитлер награждает самых отчаянных головорезов. – Этот не зря приехал... Ну, погоди, может, тебе и березовый крест подарят.

Проходили минуты, а офицер сидел на лошади по-прежнему каменным истуканом. Но вот он повернулся в сторону солдат, видимо, чтобы отдать приказание, и на груди его что-то ослепительно сверкнуло. Ванюшка подумал, что это орден. Но, взглядевшись, увидел на левой стороне груди долговязого массивную золотую цепочку.

Привстав на стременах, офицер подал какую-то команду. Солдаты быстро выстроились в два ряда, образовав между собой проход. Тогда офицер повернулся к толпе.

– Служай, ви, скот! Зечас все ходить поле... Туда... лес, напрягая голос до визга, закричал он.

– Пошель... Шнель!.. Бистро!

Не понимая, почему их хотят выгнать в поле, люди смотрели то на офицера, то друг на друга. По толпе прошел сдержанный гул, кто-то придушенно плакал.

Лицо долговязого перекосила злоба. Он снова приподнялся на стременах:

– Что я говорил? Не понимайт? Я говорил – всем итти поле... лес! Ви есть партизан, вам место – лес... Ваш хауз... теревня... ми пуф-пуф!.. Понимайт? Пожар, сгореть!.. Ви идти лес! Там жить... Пошель!

Он еще раз что-то крикнул солдатам, и те принялись гнать народ, толкая прикладами. Младшая сестренка спросила Ванюшку:

– Куда мы идем?

– В лес.

– Там ягоды будем собирать?

– Если найдем –будем...

– И немцы пойдут с нами?

– Видишь – идут...

Услышав разговор, маленький Саша попросил:

– И мне малины нарвите... Очень мне малины хочется...

Ванюшка не заметил, как рядом с ним очутился Илька. Еще час назад, на колокольне, Илька выглядел гораздо лучше. И без того худой, теперь он вдобавок сгорбился

– Ты чего это так перепал? – уставился Ванюшка на друга.

– Боюсь,— сознался Илька. – Убивать ведут...

Ванюшка и сам думал об этом. Но уж так повелось, что он говорил Ильке только успокоительные слова.

– Не убьют. Причины нет.

Но на этот раз ободрение не подействовало.

– Гитлер приказал убивать каждого русского...

– А ты и поверил? – осуждающе спросил Ванюшка.

– Мне умирать не хочется...

– Не умрешь, только не канючь... Мы еще вон того долговязого достанем...

Пленники миновали околицу, вышли в поле. Ехавший впереди офицер осадил коня и снова отдал команду.

– Сто-ой! – закричал кто-то позади по-русски. Толпа послушно остановилась. Все смотрели на сухопарого. Каждый знал, что от него, и только от него, зависит судьба этих двухсот человек. Должно быть, понимал это и сам долговязый. Он горячил коня, и конь под ним танцевал. На груди седока, коня, и конь под ним танцевал. На груди седока, ударяясь, звенели медали, и ослепительно блестела на солнце золотая цепочка.

– Форвертс!.. Вперьюд! – неожиданно заорал он, указывая нагайкой в сторону леса.— Бистро!

Толпа беспорядочно двинулась, свернув с дороги на сжатое поле.

С каждым шагом в сердцах людей росла надежда, что им удастся добраться до леса. «А, может быть, они и взаправду хотят нас только выгнать?».

Поверил в это и Ванюшка. Он на секунду обернулся: там нестройными рядами стояли солдаты.

Опираясь на палки и тяжело вздыхая, брели старики; цепляясь за подола матерей, стараясь не отстать от старших, трусили ребяташки.

И чем ближе подступал лес, тем быстрее шагали люди. Вот уже триста метров отделяет их от него... Нет, уже не триста, а двести пятьдесят... Повинуясь привычке убежать от опасности, люди без сговора ускоряли и ускоряли шаг и, когда до опушки осталось совсем близко, толпа, охваченная чувством, в котором смешались упоительная надежда и смертельный страх, бросилась бежать.

И вдруг сзади грянул залп... Сотни светящихся пуль врезались в бегущих, и поле огласилось душераздирающими криками. Слились в сплошной треск автоматные очереди...

Окровавленные люди падали, судорожно цепляясь за жнивье, а тот, кто пока уцелел, продолжал бежать, надеясь на спасение. Но ни одному человеку не удалось добраться до леса.

Кровавая расправа продолжалась минуты три-четыре. Ванюшка лежал, плотно припав к земле. Пули визжали над головой, ложились сбоку и спереди, поднимая пыль. Когда умолкла стрельба, он решился поднять голову — и страшная картина представилась его глазам: люди, его дорогие и близкие, несколько минут назад мечтавшие о спасении, лежали бездыханно. Кто-то рядом судорожно хрипел, видимо, захлебываясь кровью. Он вид ел, как их соседка пробовала подняться. Ей удалось встать на колени, но она не удержалась и рухнула лицом в жесткое колючее жнивье. Ванюшка переводил взгляд, но не находил матери, сестер и братишки.

Наконец, он их увидел... Мать лежала в пяти шагах, лицом вверх. Левая ее рука была откинута, а правая лежала на маленьком Саше, который свернулся комочком, точно выпавший из гнезда птенец. Старшая сестренка лежала шагах в двух от матери, а младшая застыла, уцепившись за подол материнской юбки.

Забыв об осторожности, Ванюшка, опираясь на локти, пополз к своим. Надежда, что кто-нибудь из них еще жив, не покидала его. Но это была только надежда.

– Убийцы! Изверги! – иступленно закричал Ванюшка, привстав на колени и потрясая руками.

Это было его ошибкой. Зверь не понимает проклятий. Пуля летит быстрее звука, и короткую автоматную очередь Ванюшка услышал уже после того, как ему нестерпимо обожгло правый бок. Он медленно повалился, успев почувствовать под своей щекой мягкие и еще теплые ножки Саши.

– Конец и мне...

Но это было ложное ощущение страха перед смертью, вызванное первыми приступами нестерпимой боли в боку. Полежав, Ванюшка почувствовал во рту сладковатый вкус и ноющую боль в правой щеке. Осторожно, боясь выдать себя, он медленно провел ладонью по лицу. Она густо покрылась кровью. Вторая пуля прошла чуть ниже виска, разрезав кожу.

Еще никогда Ванюшке так страстно не хотелось жить...

– Только бы темноты дожждаться...

И Ванюшка лежал, то впадая в тяжелое забытие, то снова возвращаясь к действительности.

Он не мог бы даже приблизительно сказать, сколько времени прошло с тех пор, как фашисты открыли огонь: может быть, десять минут, а, может, и несколько часов. Ни стонов, ни криков больше не было слышно, и над полем застыла зловещая тишина.

И вдруг Ванюшка услышал шорох. Чуть приоткрыв глаза, он понял, в чем дело. Это шли немецкие солдаты, шурша сапогами по сухому жнивью. Впереди, в той же величественной позе, ехал на лошади долговязый офицер.

Ванюшка плотно сомкнул глаза. По редким выстрелам он догадался, что фашисты добивают раненых.

Два солдата прошли настолько близко, что едва не наступили ему на ноги. Его спасла запекшаяся у виска кровь.

А потом он потерял сознание...

...Очнувшись, Ванюшка сразу сообразил, где находится. Он попробовал приподняться, и боль в боку сразу напомнила обо всем. Наверное, он долго находился в забытый. Ночная прохлада, влила живительную струю в его ослабевшее тело.

– Надо бежать! – сверлила голову одна мысль. – Надо бежать!..

Собрав все свое терпение, он привстал на колени. На поле, на этом кладбище без могил, было тихо и страшно.

– Бежать! Бежать!

Но уйти не мог. Осторожно, чтобы не бередить рану, он опустил на колени, бережно, как бы боясь причинить боль, приподнял голову матери и поцеловал ее в холодные губы.

– Прощай, мама! И ты, Маринка, прощай, и ты, Сима... Саша, братик... За всех я буду мстить... Прощай! – Ванюшка беззвучно и без слез заплакал.

– Бежать! Бежать!

Но бежать не было сил. С трудом переставляя ноги, он пошел к лесу, обходя трупы. Около одного наткнулся на суковатую палку. Он поднял ее и сразу узнал, кому она принадлежала. Этот посох многие годы носил отец председателя колхоза дед Андрей.

Опираясь на палку, идти стало легче. Уже совсем рядом темный лес, который укроет его.

Неожиданно он помимо своего желания остановился. В двух шагах от него лежал труп. Ванюшка нагнулся над ним, и горький комок подкатился к горлу. Это был Илька. Он лежал на спине, раскинув руки и согнув в колене правую ногу – точь-в-точь так, как они любили лежать после купанья на мягкой траве в тени тальника. Лицо у Ильки было спокойное и строгое, а глаза широко открыты, как будто он и мертвый продолжал смотреть на мир, который так любил.

– Прощай, Илька... Прощай, друг...

Вот и лес...

Обессиленный Ванюшка сел на широкий пенек и взглянул в сторону Дубовки. Она догорала...

4

Весть о том, что гитлеровцы сожгли Дубовку, быстро донеслась до отряда «Смерть фашистам». Отобрав несколько человек, командир сам повел их к селу. Большинство партизан этой группы состояло из дубовцев, у которых дома оставались родители, жены, дети.

Марш был стремительный. Охваченные тревогой, партизаны шли быстро, без отдыха, не чувствуя усталости.

Дубовки они не нашли. На ее месте чернели груды потухших углей и битого камня. Обгоревшие деревья, точно черные скелеты, протягивали к небу как бы застывшие в предсмертных судорогах искривленные сучья. Только по уцелевшим печам с покосившимися трубами можно было догадаться, где стояли дома.

Но самое страшное ждало партизан в поле... В немом молчании партизаны обнажили головы, отдавая последний долг погибшим.

Лица их, и без того суровые, стали грозными. Над полем стоял удушливый запах. Радуюсь предстоящему пиршеству, в воздухе с криком носилось воронье.

Партизаны принялись хоронить убитых. Но это им не удалось – напали немцы. Вероятнее всего, что каратели устроили засаду.

Завязалась перестрелка. Количественный перевес карателей заставил партизан отступить к лесу. На опушке они наскоро окопались и приняли бой. Немцы несколько раз пытались атаковать горстку партизан, но, потеряв около десятка солдат убитыми и ранеными, атаки прекратили. Воспользовавшись этим, партизаны начали отходить в глубь леса. Один из них заметил под невысоким раскидистым кустом орешника труп подростка. Партизан наклонился, всмотрелся в измазанное кровью лицо подростка и сказал:

Я этого паренька знаю... Ванюшка...Марья Долбиной сын...

– Как он сюда попал?

– Да вот, не спросишь теперь, – и он прислонился ухом к груди мальчика. – А ведь дышит! Ей-ей дышит!

...В партизанском отряде «Смерть фашистам» стало известно, что в лесу подобран лежащий без сознания дубовский мальчик Ванюшка Долбин. Было ясно, что он каким-то чудом спасся от вражеской пули, и все ждали, когда услышат от него хоть несколько слов о последних минутах своих родных.

А Ванюшка был плох. От потери крови он настолько ослаб, что отрядный фельдшер сомневался в благополучном исходе.

– Будем надеяться, – говорил он осаждавшим его дубовцам.

К вечеру Ванюшка открыл глаза. Он кое-что, и то неясно, припомнил из пережитого вчера, но никак не мог сообразить, где находится сейчас. Осмотревшись, он понял, что лежит

в какой-то землянке, на нарах, устроенных из жердей и прикрытых душистым сеном. Он попробовал было приподняться, но тут же опустился, почувствовав резкую боль в боку и гулкий звон в ушах. Понемногу боль начала стихать, пропадал и надоедливый звон в ушах. Ванюшка это скорее понял, нежели почувствовал. Ему показалось, что он слышит за стеной какой-то разговор.

Он не ошибся. Разговаривали двое. У одного, по-видимому, пожилого человека, был надтреснутый бас, а другой говорил тоненьким, почти детским голосом. Пожилой рассказывал:

– Вчера они, говорят, еще две деревни сожгли...

– А не слышал, дядя Иван, какие?

– Как будто Погодине и Зайцево... Жителей, говорят, вот так же выгнали в поле и расстреляли... В огонь, слышь, многих побросали.

– А кто это говорил, дядя Иван?

– Разведчики с задания вернулись, — продолжал пожилой.

– Говорят, в городе стоит специальный отряд, а командует им настоящий кровопийца – обер-лейтенант... Они даже фамилию называли... вроде как бы Генрих Шварц...

– Шварц... — проговорил молодой. – Шварц? Это по-нашему чёрный...

– Правильная, выходит, у него фамилия... Черная кровь в его жилах течет... Наши его видели, а ухлопать не удалось. Длинный, сухопарый, вся грудь в крестах да медалях.

Ванюшка понял, что люди говорили о том самом офицере, по приказу которого убили всех его односельчан... Закрыв глаза, он увидел все в мельчайших подробностях... Вот этот изверг сидит на коне, точно каменный истукан, наслаждаясь мучениями советских людей... А вот лицо его перекосилось от злобы и бешенства. Он кричит, размахивает нагайкой... На груди блестит золотая цепочка...

Воспоминания утомляют. Разговор за стеной смолк. Тишина действует благотворно, и Ванюшка впадает в легкое забытие... Вот перед его глазами опять, как живой, стоит Генрих Шварц. Он все такой же — в серо-зеленом мундире, в высокой фуражке с кокардой. Только вместо медалей на груди у него один большой березовый крест, а вместо цепочки болтается петля из толстой варовой веревки...

– Ну как, — слышит Ванюшка тихий, вкрадчивый шепот, — поправляется?..

– Плохо, милоч, — таким же шепотом отвечает кто-то. Ванюшке показалось, что он слышал где-то этот голос, но где именно — припомнить не может. Ванюшка открыл глаза. Перед ним, склонившись, стоял их сельский фельдшер Федор Иванович — старик с узким лицом и белой, клинышком, бородкой, которого, за его пристрастие к нежному слову, в селе звали Милок. Позади фельдшера стоял широкоплечий человек с большой черной бородой. Ванюшка узнал и его. Это был Иван Смелов — кузнец из соседней деревни.

Увидев, что больной открыл глаза, Федор Иванович обрадовался.

– Вот и хорошо! Аи, как хорошо!

– Воды... пить, — попросил Ванюшка.

– Сейчас, сейчас, милоч, — заторопился Федор Иванович.

Ванюшка без отрыва, не переводя дыхания, выпил полфляги сладкого остуженного чая.

– Спасибо...

– Спасибо будем говорить после, милоч, когда выздоровеем, — улыбнулся фельдшер.

– Спасибо тебе, что жив остался.

– Куда это я попал?

Вместо ответа фельдшер спросил:

– Меня узнаешь?

– Узнаю... Федор Иваныч...

– Ну, вот и все, милоч. Значит, не у чужих ты. У тебя даже и родные есть тут...

– Кто? — в слабом его голосе Федор Иванович услышал и удивление, и радость.

– Дядя.

– Какой?

– А какие дядья бывают? Материн брат.

– У меня их три...

– Знаю, милоч, знаю. Только здесь-то не Иван и не Павел, а Семен Петрович.

Теперь Ванюшка понял, где он находится. Его дядя Семен Петрович Коробов был начальником штаба партизанского отряда «Смерть фашистам».

«Дядя Семен не бросит меня... Может быть, и в отряд возьмет...» – подумал Ванюшка.

А Федор Иванович, как будто угадывая его мысли, продолжал:

– Золотой души человек. Уж не говорю, что как орел храбрый... И любят же его у нас, как отца родного... Ну, лежи, я сейчас, – неожиданно оборвал свою речь Федор Иванович, выходя из землянки.

Сидевший до сих пор молча на каком-то обручке чернобородый партизан подошел к нарам. Его суровый вид никак не вязался с ласковым голосом, каким он заговорил.

– Очень больно, сынок?

– Когда спокойно лежу – не очень, – ответил Ванюшка.

– А разговаривать силы есть?

– Есть...

– Я вот хотел тебя спросить. В Дубовке жила моя дочь Катюшка... Власовы фамилия им...

– Знаю, дядя Иван...

– Ну так вот, – продолжал партизан, – у нее трое детей... Не видал ли ты их?

Ванюшка молчал. Он вспомнил, как после первого же залпа колхозная доярка Катя Власова, широко расставив руки, точно слепая, прошла несколько шагов, и так, с распростертыми руками, рухнула на жнивье. Но сказать об этом кузнецу он не смог. Как бы от переутомления, он закрыл глаза и, когда открыл их снова, увидел кузнеца около двери в землянку. Кузнец надевал кожаную фуражку и о чем-то говорил сам с собой. Первых слов Ванюшка не разобрал, но он отчетливо слышал: «Ну погодите! Узнаете вы Ивана Смелова!».

Отодвинув рукой плащпалатку, заменяющую дверь, Иван Смелов хотел выйти, но в узком земляном проходе столкнулся с Федором Ивановичем, вслед за которым шел еще человек. Ванюшка сразу узнал своего дядю. Он заметно похудел, оброс колючей бородой, глаза его были воспалены от жары и бессонницы.

– Ну, вот и хорошо! – стараясь ослабить свой громовой голос, проговорил дядя, подходя к Ванюшке. – Теперь не пропадем. Ты, племяш, не беспокойся. Федор Иванович дал честное партизанское слово, что поднимет тебя на ноги. А партизанское слово – крепче стали...

Увидев дядю, Ванюшка как-то сразу ожил. Ему хотелось сейчас встать и, как он это делал раньше, прыгнуть дяде на колени и потрепать его за длинные волнистые волосы, в которых прятались тонкие серебристые ниточки. Забыв про рану, Ванюшка попробовал приподняться.

– Ой, ой! – вскрикнул Федор Иванович. – Так нельзя!.. Вот, товарищ начштаба, заранее заявляю, что не беру на себя никакой ответственности, если пациент не будет слушаться, – с улыбкой добавил он.

– Будет, будет слушаться! А я ему за это кое-что подарю, – сказал дядя.

– А чего? – по-детски полюбопытствовал племянник.

– А чего ты хочешь?

– Автомат! – высказал свою заветную мечту Ванюшка.

– Нет, вот это пока могу, – ответил Коробов, вынимая из кармана плитку шоколада. – А об автомате не беспокойся... Автомат у тебя будет, только выздоравливай... Автомат тебе нужен...

И хотя Ванюшка еще неясно понимал скрытое значение последних слов, он почувствовал, что с этого дня его маленькая судьба стала частицей большой судьбы партизанского отряда.